

Не орден славы, а безымянная кошка

Меня перевозносили, называли, обзывали, клеймили скандалистом, скандальным однодневным мотыльком. Но все мои критики — базарные торговцы ярлыками — представления не имели, что означает скандал, какова его ягодная, алчущая солнца, плодоносная природа. А ведь в России, на её сказочном яблоневом дереве, выросли когда-то лихорадочные фрукты скандала.

Скандал — это баядерка, прекрасная, юная, никем не запланированная, раздевающаяся, чтобы оскорбить, невинная баядерка. Вот как я понимаю скандал.

Русская культура, где скандал был ребяческим жестом и отчаянным криком из бездны заброшенности, невнимания, равнодушия к живому существу, — эта русская культура забыта сегодняшними бездарными критиками.

Да, я скандалист, но — не ваш.

Я принадлежу культуре Манделъштама, русских мальчиков и «тучек небесных» Лермонтова.

Я хочу быть с той русской культурой, о которой имел понятие Аполлон Григорьев:

Нет, не рождён я биться лбом,
Ни терпеливо ждать в передней,
Ни есть за княжеским столом,
Ни с умилением слушать бредни...

В русской литературе апология скандала ясно прослеживается далеко вглубь, внутрь — от Блока к Пушкину.

Великая свято-профанная, демонически-газетная поэзия Блока вся держится на сдерживаемом, но неудержимо прорывающемся аффекте скандала. Такие вещи, как «В дюнах», «Унижение» или «На железной дороге», — это ритмизированная стихия скандала, как и знаменитая «Незнакомка», как «Двенадцать». Носителем скандала у Блока всегда является женщина — Афродита Площадная, становящаяся в скандале, через скандал — Афродитой Небесной. Скандал у Блока — это момент метаморфозы существа: из проститутки, мещанки, нищенки, прихожанки, девушки в хоре — в Прекрасную Даму, Кармен, Богородицу, богиню мщеника!

Русские поэты знали приглушённую, как пощёчина в перчатке, звонкость скандала.

Русские поэты умели кричать как распоясавшиеся дети: «Не хочу!», «Не умру!»

Русские поэты — все были истеричками.

Я говорю о лучших русских поэтах, а не о тряпках или эстетках.

Я тут не говорю о ничтожных или фальшивых поэтах, как Кирилов, Могутин, Жданов, Скидан или какой-то Сатаковский.

Из настоящих русских поэтов только Кушнер и Кенжеев боятся истерики и скандала. Это выдаёт в них академиков.

Или они преодолели своё скандальное поэтическое «я» и научились тихо любить и жалеть?.. Может быть...

Но ни Блок, ни Есенин, ни Кузмин, ни Цветаева, ни Олег Григорьев не боялись скандала.

У Анненского мучительный элемент скандала есть во всём: в свече, в колокольчиках, в листьях на дереве, в стене, в похоронах, в Ваньке-ключнике, посаженном в тюрьму, в старых эстонках, в цилиндрах на головах, в галошах, в развившемся локоне, в собственном портрете... Скандал — в пошлой и грубой человеческой жизни, непрерывно и завожжённо глядящей в лицо дышащей «левком и фенолом»

смерти — так это у Анненского. И поэтому он, — в своём быту такой ритуалистичный, чёткий, корректный, — в поэзии своей страшно тосклив, капризен, изломан, истеричен, хрупок, скандален. Поэзия Анненского — скандал неприятия жизни.

Скандал вот в чём:

Молот жизни, на плечах мне камни дробя,
Так мучительно груб и тяжёл,
А ведь, кажется, месяц ещё не прошёл,
Что я сказками тешил себя...

Скандал в русской культуре — это по преимуществу женский (а точнее — женственный) жест: отказ от мертвенного принципа нормальности, насаждаемого мужским дисциплинарным порядком. Вот как говорит о русской женщине Тютчев:

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдёт незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

Это — скандал, скандал! Нельзя согласиться с эдаким положением вещей...

Скандал — истерический и резкий выход, бегство из этого дурдома незамеченности, незримости. Скандал — это крик «я здесь!», крик живого, чувственного существа, горящего в огне безразличия. Но «я здесь!» вовсе не означает «я, Иванов» или «я, Сидорова». Скандал — это безымянная, ничья, приبلудная кошка, которая требует к себе здесь и сейчас абсолютного внимания:

— Мяу-мяу-мяу! Нежности хочу!

Скандал — это не Свидригайлов или Смердяков, не Фердыщенко или Лебядкин, не какой-нибудь Мавроматти. Скандал — это прекрасная и смутная Настасья Филипповна Барашкова, бросающая в огонь пачку денег, убегающая от Тоцкого и Рогожина, непрерывно ставящая на кон свою жизнь и судьбу. И она-то как раз скандалит, потому что верит в красоту, и ей невыносимо жить среди Тоцких и Фердыщенко, всех этих артистических Передоновых.

Скандал в русской литературе — это Хома Брут из «Вия», это «Нос» Гоголя.

Философ Хома Брут — детское существо, которое не может, не хочет, не готово противостоять красоте и демонизму. Это и есть его скандал: он должен посмотреть на запретное!

Нос майора Ковалёва — это не нос и не хуй, а вульва, влагалище, пиздень. Она не желала находиться на физиономии ублюдочного Ковалёва — и сбегала! Это мимолётный, анонимный бунт пизды, а не какая-то знаменитая Надя Толоконникова на подиуме! Гоголевский Нос — это неприличная, срамная плоть, нагло выставляющая себя напоказ на парадно-балетных проспектах императорского Петербурга. Да ещё в сияющем мундире статского советника! Скандал переодевания, выдачи себя за другого: пизда во фраке! Арестовать её, вернуть на харю Ковалёва! Ликвидировать скандал всеми силами!

Наконец, скандал — это «Домик в Коломне» и «Ужо тебе!», выплюнутое спятившим Евгением в копыта всемогущему Медному Всаднику. «Домик в Коломне» — превращение частной жизни в карнавал. «Ужо тебе!» — тайный, невидимый бунт против монумента власти. Скандал, скандал — он всегда локальное, местное событие, значение которого открывается лишь зорким и вдумчивым.

Вернёмся поближе к нашим поганым временам.

Скандал — это не медиальная шумиха вокруг прибитой к Красной площади мошонки Павленского. Скандал — это пощёчина, данная безвластным поэтом Мандельштамом сталинскому литератору Алексею Толстому. Скандал не имеет ничего общего с пропущенной через Интернет и обсосанной журналистами картинкой. Скандал — не перформанс. Скандал — не спектакль. Скандал — не жанр убудочного современного искусства. Скандал не заискивает и ничего не просит у публики. Скандал — моментальная вспышка, падение в неизвестность, прободение.

Скандал — это не мерзостная куликовская или боборыкинская борьба за признание. Скандал — не рассчитанный приём для завоевания авторитета. Скандал — это та оплеуха, которую путаник Бретон дал в парижской гостинице приспособленцу Эренбургу.

Скандал русских футуристов (и французских сюрреалистов) был мимолётен, случаен и яростен. А когда они из него захотели сляпать шоу, превратить скандал в поступь, в позу, в лефовский приём — это стало говном. У футуристов скандал выражался в их весёлости, в их гоготе и хохоте, в их поэтических случайностях, а вовсе не в их публичных наигранных штучках.

Скандал — не эстетика. Скандал — провал, неудача (а вовсе не успех). Скандал — ошибка.

Скандал как искусство — срам, бред, пошлость. Скандал Авдея Тер-Оганьяна, его демонстрация «техники скандала»,

его рубка икон — хуйня, подмена скандала видимостью его. Скандал — не переговоры интересов. Скандал — не ступенька на пути к почёту. Скандал — не игра в поддавки с противником. Скандал — это невозможность быть рабом, неспособность выносить хамство, выносить унижение, собственную слабость.

Был ли я когда-нибудь скандалистом? Да, был! Иногда, в те минуты, когда мне становилось совсем уж невыносимо... Мне всегда, почти всегда невыносимо, но иногда бывало через край... Сидишь, сидишь с этой сволочью — и больше не можешь... Я просто не выдерживал... Не хотел, не мог согласиться на то, что мне предлагали: быть пупсиком! Ведь мне только это и предлагали! Ведь только это повсюду и предлагается... Но лучше уж ничего не иметь! Ничего! Это и есть скандал: когда ты им показываешь, насколько ты их не уважаешь, насколько не ценишь их подарки, подачки... Показываешь, что тебя от их общества — тошнит, что ты от всего ихнего — отказываешься...

Если бы вы знали, как я их всех не ценю, не уважаю!

Скандалистка — это та, которая высунет кончик ножи и убежит...

Скандалистка — Мария Магдалина...

Я и сейчас скандалист, потому что я ничего не умею, а только кричу и шепчу... И бегу от них, сбегая! Скандал — это ведь не плюха, не удар, который превращает какого-нибудь господина в раба, в ничтожество. Физическое воздействие — отвратительно. Оно — метод палачей, НКВД, уголовников, начальников, фалангистов. Никого нельзя мучить, бить, пугать. Скандал — это взрыв запуганного, неприятие запугивания. Меня пугал завуч в школе, Андропов по телевизору, Бакштейн в Бильбао, шведская и британская таможня, государство Израиль, московские шмонающие милиционеры, профессиональные литераторы, художник Хиршхорн в Париже... Пугать — подло. Напуган-

ность и сломленный дух — результат воздействия власти, и это сегодняшняя норма, а вовсе никакой не скандал.

Скандал — это резкий, моментальный разрыв с постылой средой, с осточертевшей ситуацией. А для чего этот разрыв? А во имя свободы!.. Чтобы сбежать отсюда и искать рай в другом месте...

Скандал — это детская, неумелая попытка изменить свою жизнь. В основе скандала — надежда на счастье в других обстоятельствах.

Скандал — это детская глупость мысли.